

**Высшее театральное училище (институт) имени М.С.Щепкина
при Государственном академическом Малом театре России**

УТВЕРЖДАЮ

И. о. ректора Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Высшее театральное училище (институт) имени М.С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России», кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, профессор

Б. Н. Любимов

«09» ноября 2021 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Высшее театральное училище (институт) имени М.С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России»
на диссертацию Фокеевой Марии Петровны
на тему «Тема травмы в эстетике второй половины XX века: опыт В. Г. Зебальда», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.04 – Эстетика (философские науки)

Диссертационное исследование М.И. Фокеевой «Тема травмы в эстетике второй половины XX века: опыт В. Г. Зебальда» представляется весьма актуальным, поскольку нацелено на анализ современных реалий – процессов, происходящих в художественной культуре, что дает возможность исследовать и оценить новые явления искусства. Тема травмы в эстетике фигурирует как часть междисциплинарного гуманитарного исследовательского поля аналитики травмы, включающего также такие области, как социология, философия, психоанализ. При этом эстетическая разработка данного проблемного поля представляется в настоящее время явно недостаточной. Тематика индивидуальной и коллективной исторической травмы, идущая в русле переосмысления европейской истории

XX в., является в настоящий момент предельно острой и актуальной проблемой. С одной стороны, возрастающее количество произведений искусства, затрагивающих травматический опыт истории, требует от научного сообщества соответствующего анализа и оценок, в том числе, эстетических. С другой стороны, переход к постнеклассической фазе в научных исследованиях, ситуация постмодерна создают во многом парадоксальный, эмпирический контекст современного эстетического пространства.

В этой связи возникают трудности в исследованиях артефактов новейшего времени, поскольку травматический опыт, связанный с трагическими историческими событиями XX в., требует переосмысления. В частности, эстетика столкнулась с рядом проблем, которые привлекают особое внимание. К ним относится возможность эстетического высказывания после катастрофических событий XX в., допустимость эстетизации предельного опыта насилия, функциональность понятий классической эстетики. Этически значимым остается высказывание Т. Адорно о проблеме эстетического «после Освенцима» – тематизация войн и геноцида как эстетизированного зрелища вызывает много вопросов, в том числе этических: возможно ли испытывать удовольствие, воспринимая объект искусства, выстроенный на страдании других? Кроме того, исследователи оказываются в сложной ситуации в связи с недостаточностью инструментария классической эстетики. Отвечая на эти актуальные вопросы, данное исследование вносит свою посильную лепту в развитие эстетической науки: в концептуализации новой теории, в выработке инновационных подходов, разработке непривычного инструментария.

Теоретическая значимость и новизна диссертационного исследования предопределены самой постановкой проблемы исторической травмы в ее эстетическом прочтении, исследованием художественных репрезентаций травматического опыта в искусстве. Ставя задачу рассмотреть основные теоретические аспекты аналитики травмы и проследить их взаимосвязь с понятиями эстетики, автор в своем исследовании обозначил теоретическую

значимость феномена «эстетики травмы» как коллективных пограничных переживаний, вызванных травматическими событиями, которые затрагивают все сообщество в целом.

Активно разрабатываемая на Западе с 90-х гг. XX в. аналитика травмы, в том числе эстетическая, входящая в корпус постнеклассических гуманитарных исследований и, действительно, не получила столь широкого признания в отечественной науке. Как представляется, это связано не с некоей «отсталостью» отечественной науки, а с тем, что трагедийность всего XX в. онтологизирована была в отечественной истории неизмеримо большими масштабами, чем события II мировой войны: Холокост, ставший центральным звеном аналитики травмы, выступает в наших отечественных исследованиях вместе и наряду с целым массивом произведений, описывающих трагический опыт истории. Очевидно, что в оценке исторического опыта «трагедийность» как концепт значит для нас значительно больше и обладает более глубокими основаниями, чем «травматичность» постмодерна. Тем не менее, концептуализация тематики эстетической травмы, введение в научный оборот теоретических аспектов и репрезентации их практического применения в различных видах искусства, сделанные в данной диссертации, играют важную роль для современного этапа развития эстетической науки.

В своем исследовании Фокеева М.П. исследует трансформацию классических понятий эстетики, анализируя их функциональность в пространстве художественного высказывания. Из терминологического аппарата «эстетики травмы» ею выделен ряд понятий, которые представляются наиболее значимыми для работы с художественными формами травматического опыта. К ним относятся фигура свидетеля, которая трактуется как одно из центральных понятий эстетики травмы, диалогичность высказывания, концепт художественной правды, реактуализированный в данном контексте, негативное возвышенное и терапевтическое письмо. Большое внимание в диссертации уделено научному обоснованию нарративных практик в условиях лингвистической

неопределенности и двусмысленной референтности в контексте символической недостаточности языка травмы.

Практическим приложением теоретических аспектов, выявленных соискателем, служит исследование, проведенное на материале романов немецкого писателя В. Г. Зебальда. Опять таки, это свидетельствует об актуальности исследования, поскольку следует согласиться с диссертантом, что «в отношении исследований собственно эстетических аспектов творчества В. Г. Зебальда надо сказать, что работы отечественных исследователей-эстетиков практически не представлены в научном пространстве.» (с. 10)

Структура диссертации характеризуется продуманной логикой изложения материала, последовательностью постановки и решения задач, определяемых основной целью. Она имела двойственный характер: с одной стороны, необходимо было исследовать основные теоретические аспекты и понятия «эстетики травмы», включая сущностную характеристику, формы и функционал, с другой стороны – рассмотреть практические аспекты репрезентации травматического опыта в различных видах искусства. Замысел автора раскрывается в двух главах, где в первой анализируются теоретические аспекты, и уделяется внимание отдельным произведениям искусства, посвященным событиям, основанном на трагедийном, «травматическом» плане. Здесь автор исследует аналитику травмы в эстетическом дискурсе, художественную правду и терапевтическое письмо, фигуру свидетеля и акт свидетельствования, а также категорию возвышенного. В диссертации теоретически обобщаются научные концепты в области аналитики травмы, которые зачастую касаются эстетической проблематики, но редко делают ее преобладающей. В частности автор диссертации предлагает рассматривать образ свидетеля как эстетическое понятие, осмысляя его как определенный набор риторических фигур, обладающих коннотацией подлинности, предлагает эстетическое прочтение таким категориям, как память, свидетельство, терапевтическое, травматическое и др. Также в этой главе соискатель проводит анализ

функционирования данных аспектов в различных видах искусства, а именно рассматривает примеры из литературы, кинематографа, театра и живописи.

Вторая глава диссертации целиком посвящена эстетическому анализу литературного материала, то есть практическому исследованию эстетики травмы на материале произведений В. Г. Зебальда. Следует отметить, что выбор романов данного автора далеко не случаен: прозаик, поэт, эссеист, историк литературы, родившийся в Германии и проживший большую часть жизни в Англии, является широко известным на Западе автором. Газета «Нью-Йорк Таймс» назвала роман Зебальда «Аустерлиц» «первым великим романом XXI века». Как автору четырех романов, написанных в постмодернистском ключе, ему посвящено большое количество исследований. Мировая посмертная слава закрепила за ним определенные амплуа, как, например, «писателя Холокоста», хотя его творчество привлекала не только эта трагедия, но и другие трагические страницы европейской истории. В диссертации проводится подробный, интересный анализ его романов: «Головокружения», «Изгнанники», «Кольца Сатурна. Английское паломничество» и «Аустерлиц». В этом анализе акцентируется привлечение Зебальдом документов, фотографий, различных стилистических и жанровых способов письма, последовательно демонстрируя приложение понятий «эстетики травмы».

Как достоинство диссертации следует отметить богатство привлеченного материала – положительным моментом является включение в данный контекст широкого спектра англоязычных материалов, некоторые из авторов впервые вводятся в отечественный научный оборот. Это также характеризует теоретическую значимость работы, важность проведенного анализа как в теоретическом, так и в практическом плане.

Поддерживая основные выводы автора и принимая логику его исследования, вместе с тем, хотелось бы уточнить ряд положений, а также высказать отдельные замечания, которые могли бы быть использованы для дальнейшей работы.

1. Автор увлечен своей темой и вольно или невольно придает ей глобальный масштаб, интерпретируя тематику травмы как основание для инициирования новой дисциплины – «эстетики травмы». (с.14) Стоит прояснить, что дисциплиной является сама эстетика, а «эстетика травмы» может быть лишь одним из ее разделов, частей, исследовательских направлений. Стоит также отметить неоднозначность широко используемого в диссертации термина «эстетика травмы». Подобным образом может онтологизироваться, по-видимому, практически любое явление: эстетика ритуала, эстетика поведения, эстетика театра, кино и т.п. В неспециализированном же контексте соединении двух антонимических понятий производит странное впечатление, подобное таким литературным образам, как «живой труп», «мрачная радость», что ставит вопросы к исследователю этого феномена. Может быть, уместнее было бы дать формулировку «эстетическая аналитика травмы» или «аналитика травмы в эстетическом аспекте»?
2. Автор использует в своих исследованиях специфическую категорию негативного возвышенного А. Берлеанта – «понятие, которое может быть предельно востребовано в проблематике исторического насилия». (с.61) Непонятно, зачем при этом апеллировать к сенсуалистской концепции Э. Берка, пытаться пересмотреть традиционную концепцию И. Канта, настаивать на «реабилитация возвышенного», его «реактуализации»? (с. 60) Категория «возвышенного» не может соотноситься с муками, страданием и массовыми казнями: «возвышенная пытка», «возвышенная массовая казнь» – оксюморон. В русском языке «возвышенное» связано с позитивом, с гармонией, им может быть лишь такое явление, которое при всей своей грандиозности не представляет непосредственной угрозы созерцающему его человеку, что традиционно фиксируется в словарях. Возможно, проще было бы в этой связи обратиться к категории «ужасного»?
3. Автор определяет предметом данного исследования художественные репрезентации травматического опыта в искусстве XX века: в литературе, кинематографе, театре, живописи.(11) Это важный и нужный аспект, однако жаль, что предметом подробного анализа не стал массивный корпус

отечественных произведений, посвященный «травме» Отечественной войны. Так, был упомянут, действительно, «не самый известный автор блокадного текста» Г. Гор; мимоходом, через мнение Л. Кляйн дана ссылка на В. Шаламова; «Восхождение» (1977) Л. Шепитько было рассмотрено из-за музыки, звучавшей в фильме, а такой классический и показательный для «эстетики травмы» фильм Э. Климова «Иди и смотри» (1985) был сведен к эпизоду с расстрелом коровы.

4. Следует согласиться с автором, что терапевтическое письмо является новым типом художественного высказывания, присущим послевоенной литературе. Посредством создания нарратива травмы оно «делает возможным преодоление молчания, восстановление памяти и восполнение символической недостаточности, которые являются следствием травматического опыта», «терапия как преодоление последствий травмы». (с. 73, 75) Однако мы никак не можем согласиться с тем, что «речь идет о терапии читателя, имеющего посттравматическое сознание» (с. 72). Крайне уязвимо положение автора о «посттравматическом сознании» реципиента, т.е. читателя, слушателя. (169) Соискатель исходит из того, что оно должно, видимо, наличествовать у всех последующих поколений, не переживших ужасов войны и геноцида, что не подтверждается практикой. Терапия – да, но для свидетеля, автора текста, преодолевающего молчание, для того поколения, пережившего эти ужасы, но отнюдь не для потомков.
5. И последнее: для диссертационной, как и для любой научной работы, нам представляется, необходимо давать не просто фамилии, но фамилии с инициалами, что требуют этические принципы.

Высказанные замечания и пожелания не снижают общей положительной оценки рецензируемой работы, они могут быть учтены автором в дальнейших публикациях по теме исследования.

Диссертацию отличает актуальность ее темы, а полученные результаты и выводы обладают всеми признаками новизны и соответствуют критериям теоретической и практической значимости. Достоверность и надежность полученных результатов обеспечиваются кругом привлеченной

философской, филологической, культурологической, искусствоведческой литературы. Личный вклад соискателя в получении результатов работы не вызывает сомнений. Основные положения и результаты исследования отражены в 6 научных публикациях, в том числе 3 - в трех профильных рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертационных исследований. Концепция и результаты исследования прошли апробацию в виде докладов и выступлений на международной и всероссийской научных конференциях. Диссертация обладает практической значимостью, материалы и результаты исследования могут быть использованы в соответствующих курсах вузовских дисциплин, а также для научных разработок.

Автореферат диссертационного исследования, выносимые на защиту положения и публикации автора отражают содержание рецензируемой работы.

Анализ диссертационного исследования позволяет сделать вывод о том, что диссертация «Тема травмы в эстетике второй половины XX века: опыт В. Г. Зебальда» является законченным самостоятельным научно-квалификационным исследованием, отвечает критериям, установленным к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук п.п. 9-14 раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. No 842, а ее автор – Фокеева Мария Петровна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 09.00.04 - Эстетика (философские науки).

Настоящий отзыв подготовлен на основании заключения кафедры философии и культурологии Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Высшее театральное училище (институт) имени М.С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России» по диссертации в соответствии с требованием абзаца четвертого пункта 24 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской

Федерации от 24 сентября 2013 г. No 842. Указанное заключение подготовлено профессором кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (института) им. М.С. Щепкина, доктором философских наук Козьяковой Марией Ивановной, обсуждено и утверждено на заседании кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (института) имени М.С. Щепкина, состоявшемся «09» ноября 2021 г. (протокол No 2).

Заведующий кафедрой философии и культурологии

Высшего театрального училища (института) имени М.С. Щепкина,

доктор философских наук, профессор

 А.А. Оганов

Сведения о ведущей организации:

полное наименование: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Высшее театральное училище (институт) имени М.С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России»

почтовый адрес: 109012, Москва, ул. Неглинная, д. 6/2, стр. 1, 2;

телефон: +7 (495) 623-18-80

адрес электронной почты: shepkinskoe@theatre.ru;

веб-сайт: www.shepkinskoe.ru

«09» ноября 2021г.

Личную подпись _____

 _____ заверяю

Начальник отдела кадров
Высшего театрального
училища(института) им.М.С.Щепкина

